

В изгнании. Румыния, Польша, Данциг

Всеволод Волин, будучи высланным, обосновался в Германии, представлявшей тогда широкий простор для эмигрантов всех мастей: политические деятели, литераторы, художники – все оседали здесь, даже если потом им суждено было двинуться далее – во Францию или за океан. Махно же оказался в королевской Румынии, связанной с Советской Россией Рижским мирным договором (по нему Румыния обязалась освободить Бессарабию, но, не выполнив этого обязательства, продолжала тянуть дело на свой страх и риск, воздерживаясь от дипломатических отношений с РСФСР). В этом смысле Румыния не была убежищем ни желанным, ни даже надежным. Военное вторжение советских войск не случилось в 1919 году только благодаря мятежу атамана Григорьева, войска которого, по замыслу красных, и должны были поднять на штыки последнюю захудалую монархию Гогенцоллернов, так что к бывшей Российской империи, ставшей государством рабочих и крестьян, в Румынии относились настороженно. Опасались здесь и революции – в этом смысле страна была не только не либеральной, но прямо враждебной всякой революционности. Именно поэтому повстанцы Махно, о которых румыны толком ничего не знали, были для начала обезоружены, потом погружены в вагон и отвезены сначала в Рашков, потом в Бельцы и, наконец, в Брашов, где был лагерь для интернированных.

Однако прибывшие, как оказалось, небезразличны Стране Советов. Вскоре после того как горстка переодетых головорезов пересекла границу королевства и была расселена в бараках, советский комиссар по иностранным делам Чичерин и председатель совнаркома Украины Раковский, несмотря на то, что между РСФСР и Румынией не было дипломатических отношений, отправили телеграмму румынскому премьеру генералу Авереску. В телеграмме сообщалось, что перешедшая на территорию Румынии группа является группой бандитов, вследствие чего русское и украинское правительства обращаются к румынскому правительству с просьбой выдать как обычных уголовных преступников главаря упомянутой банды и его сообщников. (94, 305). Чичерин рассчитывал, видимо, на то, что румынам в любом случае не до Махно и уж во всяком случае не до «бандита». Признание его политическим противником обрекло бы просьбу о выдаче на провал. Однако генерал Авереску не спешил выполнять требование Советов: он был не дурак и понимал, что не всякий раз министры иностранных дел и главы правительств проявляют заинтересованность касательно «обыкновенного бандита».

В телеграмме от 27 сентября 1921 года генерал Авереску ответил Чичерину: «Я получил вашу радиограмму от 17 текущего месяца и не могу согласиться ни с ее формой, ни с ее содержанием. Если преступники действительно нашли прибежище на территории румынского королевства, ваши власти могут требовать выдачи этих людей, и, хотя между нашими странами не существует договоренности на этот счет, румынское правительство

могло бы, на взаимной основе, дать ход подобному ходатайству. Но в таком случае следовало бы действовать в соответствии с нормами международного права, иначе говоря, следовало бы отправить постановление об аресте, исходящее из соответствующего юридического органа, в котором были бы перечислены статьи уголовного кодекса, вменяемые преступникам. Более того, следовало бы дать детальное описание преступников. В связи с тем, что в Румынии отменена смертная казнь, необходимо, кроме того, чтобы вы в официальном порядке заявили, что наказание смертью не будет применено к выданным лицам. Когда эти условия будут выполнены, румынское правительство изучит дело бандита Махно и его сообщников и вынесет решение, будет ли дан ход вашей просьбе об их выдаче» (94, 306).

Чичерин выказал признаки нервозности – к черту это международное право! Только как убедить в этом болванов-румын? Он пытается сдержать эмоции, но это не удается ему. «Российское и украинское правительства считают, – телеграфировал он 22 октября, – что формальные процедуры имеют второстепенное значение и полностью теряют смысл перед фактом, что банда преступников, которые в течение долгого времени терроризировали мирное население Украины, нашла убежище под покровительством румынского правительства...» (94, 307).

Очевидно, что Махно не мог быть посвящен в тонкости этого дипломатического обмена мнениями. Однако что-то наверняка стало известно ему, потому что очень скоро по прибытии в лагерь он оставляет своих товарищей почивать на нарах и есть мамалыгу, а сам вместе с Галиной Кузьменко и братьями Задовыми отправляется в Бухарест для осуществления довольно-таки рискованной миссии – связаться с представителями петлюровского штаба и с их помощью подготовить переход своих людей в Польшу. В Бухаресте им удастся найти жилье, но не деньги. В конце концов Лев и Даниил Задовы покидают батьку и добровольно отправляются обратно в лагерь – там, по крайней мере, хоть есть давали. Махно (не зная ни одного языка, кроме русского и украинского) тем не менее разыскивает в румынской столице петлюровцев и просит дать ему возможность встретиться с представителями штаба Петлюры, чтобы обсудить возможности совместных действий по освобождению Украины от ее врагов (94, 308). В конце концов Махно получил приглашение в резиденцию петлюровцев в Бухаресте, чтобы поговорить об интересующем предмете с дипломатическим представительством петлюровского штаба, расположенным тогда в Варшаве. Махно сказал, что повстанческих сил, которые действуют сейчас от Дона до Воронежа, недостаточно, чтобы сопротивляться специализированным отрядам Красной армии: вот почему он пришел к выводу о необходимости совместных действий с петлюровцами.

Батька блефовал. В действительности махновцы никогда не сотрудничали с петлюровцами и прекрасно знали, какая пропасть их разделяет. Однако он понимал и то, что партизанам не на что рассчитывать в Румынии, что только благоприятное стечение обстоятельств до поры до времени уберегает их от выдачи красным и что их единственный шанс состоит в союзе – пусть временном и вынужденном обстоятельствами – с Петлюрой. Их собеседник в Бухаресте не дал себя одурачить и в своем рапорте петлюровскому «правительству» советовал «полностью покончить с этим движением и его верхушкой, после чего оставшиеся могут быть влиты в националистическое движение Украины» (94, 310). Однако

Махно получил, по-видимому, заверения в самых благих намерениях, ибо он начинает вызывать к себе из лагеря повстанцев, прося их предварительно обзавестись оружием. Иван Лепетченко, вместе с Махно ушедший в Румынию, полтора месяца (то есть сентябрь и половину октября) служил у помещика в городе Плоешти, после чего получил из Бухареста от Махно записку, в которой говорилось, чтобы он разжился у своего хозяина оружием и приезжал в Бухарест в личное распоряжение Махно. Лепетченко «забрал болгарский наган» (93, 107) и приехал в Бухарест. Махно там тоже заимел браунинг и чувствовал себя относительно свободно. Очевидно, петлюровцы пообещали ему «провести» его в Польшу по своим адресам, ибо батька предпринял попытку самостоятельно перебраться через границу, чтобы достигнуть главного штаба Петлюры. У границы его разведчик попал в засаду (видимо, не случайно); вместе с ним исчезли бумаги с адресами явок, пользуясь которыми, можно было перейти границу, и Махно вынужден был вернуться в Бухарест.

Тем временем дипломатические переговоры о Махно на высшем уровне продолжались. Делом Махно занялся министр иностранных дел Румынии Таке Ионеску. И хотя он принципиально не был противником выдачи повстанцев, он, однако, желал, чтобы все осуществлялось по закону (телеграмма 29 октября). Чичерин поспешил воспользоваться этим, чтобы выдачу Махно сделать условием нормализации отношений между Румынией и советскими республиками. Он написал, что вопрос о Махно является сейчас более принципиальным для нормализации отношений между Румынией и Советами, чем территориальный спор о Бессарабии, которая была спорной территорией между Румынией и страной Советов с марта 1918-го. Такая постановка вопроса привела румын в полное замешательство. С одной стороны, им хотелось соблюсти свои территориальные интересы – то есть добиться за Бессарабией признания бесспорной румынской территорией, с другой – кто такой Махно, если за него Советы готовы пожертвовать столь многим? Не продешевят ли они, выдав его, и не потеряют ли международное лицо? Первым делом они обратились за разъяснениями о Махно к петлюровцам, которые занимали в Румынии видное положение. Петлюровцы объяснили румынам, кто такой Махно, но заметили, что повстанцы очень скрытны, ничего не говорят о своих силах, планах и намерениях, а также о причинах, которые заставили их покинуть Украину (94, 309).

Румыны медлили с ответом. Чичерин нервничал. Переговоры с Румынией, несмотря на самые щедрые посулы, не дали никаких результатов. Тогда Чичерин специально отправил в Варшаву своего представителя Карахана – для того, чтобы тот мог здесь встретиться с представителями румынского правительства и во всех деталях обговорить вопрос о выдаче Махно. Румыны истолковали всё это в том смысле, что Махно – политический противник большевиков, имеющий влияние в рядах крестьянства, и вероломная выдача его, в случае возможных военных действий, создала бы им дополнительные проблемы с недружелюбно настроенным населением. Возможно, они даже взяли бы Махно под свою опеку, но тут Лепетченко со своим браунингом попался за незаконное хранение оружия. Его посадили на четыре месяца в тюрьму, откуда он бежал опять на квартиру батьки в Бухарест. Часть махновцев уже перебралась туда же, нищенствуя и занимаясь разоружением румынских полицейских для того, чтобы добыть оружие. Такие беспокойные питомцы были королевству не нужны.

О переходе Махно через польскую границу ходит много слухов (один из них повествует о том, что бывшие повстанцы захватили машину или, скорее, автобус – ибо какая машина увезет 17 человек? – и попросту проскочили польские пограничные посты). Но поскольку вряд ли кто-то из повстанцев умел водить машину, нам придется принять какую-нибудь менее романтическую версию. Скажем, о том, что румыны решили просто-напросто «выслать» махновцев в Польшу. Поляки тоже не горели желанием их принимать и отправили обратно в Румынию. В течение одной апрельской ночи 1922 года ситуация повторялась несколько раз, пока, наконец, пограничные власти не уладили вопрос, и Махно с женой и семнадцатью повстанцами не оказался на польской территории.

Что же стало с теми, кто остался? Ведь Днестр в августе 1921-го вместе с Махно перешли больше семидесяти человек... Можно предположить, что они, подобно Лепетченко, работали батраками у помещиков или, как братья Задовы, ворочали бревна на лесопилках. В любом случае, уделом их в чужой стране стала тяжелая работа, которая едва-едва кормила их.

В 1924 году румынская сигуранца создала террористическую группу для переброски ее в СССР. Л. Н. Зиньковский-Задов согласился эту группу возглавить. Переправившись через Днестр, Левка воскликнул:

– Ребята, ну его к черту, этот террор. Пошли сдаваться... (93, 91).

Несколько месяцев братья Даниил и Левка просидели в тюрьме Одесского ГПУ, давая показания. После этого оба они были устроены... в то же ГПУ. Ходили слухи, что милость гэпэушников Задов купил, выдав им места, где были захоронены махновские сокровища. На новой службе Лев Задов сделал неплохую карьеру, став полковником госбезопасности. За то время, что он занимался контрразведкой, одна за другой выходили книги, в которых его по неведомо откуда взявшейся традиции называли главой контрразведки махновцев, садистом и палачом. Он ни словом не отвечал на эти оскорбления. С прошлым было покончено. Писатели могли выдумывать что угодно. Он не был на виду и вел совсем другую жизнь. В его послужном списке – благодарности, денежные премии, награждения именным боевым оружием.

В 1937-м его взяли, обвинили в связи с иностранными разведками, прежде всего с румынской. Левка все отрицал. Несмотря на лихой 1937 год, следствие не смогло предъявить Особому совещанию НКВД СССР никаких обвинительных материалов. Тогда следователь Яков Шаев-Шнайдер применил к Зиньковскому «особые методы». Под пытками Левка сознался, что работал на румынскую и английскую разведки. Это признание было равносильно смертному приговору. Разумеется, Лев Зиньковский об этом знал.

12 апреля 1922 года Нестор Махно с женой и горсткой товарищей вновь оказался в лагере для интернированных. На этот раз в Щелково – на территории Польской республики. В Польше, совсем недавно пережившей войну с Советской Россией, причем войну, неожиданно закончившуюся для поляков победой, несмотря на то, что Первая конная едва не взяла Варшаву, превосходно чувствовали себя петлюровцы, штаб которых действовал в полном согласии со штабом Войска Польского, но у батьки не было и тени сомнения, что для

поляков революционеры любого толка, в том числе он и его люди, – приобретение весьма сомнительной ценности. Поэтому, не вступая больше ни в какие переговоры с петлюровцами, к которым он, по видимости, так «стремился» в Румынии, он отправляет во все польские официальные инстанции письма с просьбой выпустить его на жительство в Чехию или в Германию. Такие письма были направлены в министерство иностранных дел, главе республики маршалу Юзефу Пилсудскому, руководству польской социалистической партии и т. д. Увы, все двенадцать писем остались без ответа. Впрочем...

Впрочем, в этом деле быстро обнаружилась сторона, которая проявила к повстанцам пристальный интерес: разумеется, это была Страна Советов.

30 июня лагерь для интернированных в Щелково посетила советская комиссия по репатриации. Четверо махновцев, целый год уже отирающие лагерные нары, обратились к батьке с просьбой не препятствовать им вернуться на родину. Махно пошел к комиссару лагеря просить, чтобы этих четырех перевели в барак для уезжающих. Комиссар лагеря неожиданно отказал. «Ни вам, – заявил он, – ни вашим людям уезжать нельзя. Если же вы будете на этом настаивать, к вам будут применены репрессии...» («Американские известия», 12 декабря 1923 года). Репрессии... Почему? На каком основании? Почему желающие не могут покинуть лагерь? Странно... 18 июля Махно послал в Варшаву, в министерство военных и внутренних дел жену, Галину Кузьменко, – лично хлопотать о выезде из Польши. В министерстве внутренних дел она добилась приема у некоего Желиховского, начальника по делам интернированных, и в ответ на просьбу разрешить находящимся в лагере покинуть Польшу она опять услышала угрозы: «Ждите. Придет время, ваше дело будет рассмотрено, тогда и видно будет, как с вами поступить. Мы не можем отпустить вас безнаказанно, ибо от вашей деятельности в России пострадали польские подданные».

У Махно было достаточно опыта, чтобы не воспринимать сказанное как ошибку (ну в самом деле: какие «польские подданные» пострадали от махновцев, если за всю Гражданскую войну они видели только одного – польского анархиста Казимира Теслара, да и тот принят был в Гуляй-Поле со всей душой?). Нет, это явно было давление, которое, очевидно, должно было побудить Махно к каким-то действиям. К каким? События не заставили себя долго ждать. Вскоре в Щелково приехала еще одна комиссия, но на этот раз ее составляли офицеры польской контрразведки (дефензивы) – майор Шарбсон и лейтенант Блонский, – в задачу которых входило убедить Махно остаться в Польше и рассмотреть кое-какие предложения дефензивы. «Ну зачем вам уезжать из Польши? – прямо обратился к Махно Блонский. – Чехия – это подлая страна, она вас выдаст большевикам. А Германия – это опять большевики. Вы оставайтесь у нас. Только станьте на платформу УНР (петлюровская республика) и у вас все будет хорошо». Махно решительно отказался.

После этого отношение к нему властей резко изменилось. Был ужесточен лагерный режим содержания махновцев; к бараку, где жил Махно, приставили несколько человек часовых, на окна надели решетки и замки, регулярно часовые врывались в помещение для проверки. Стоило, черт возьми, стремиться из Румынии в Польшу, чтобы угодить здесь чуть ли не в тюрьму! В один из таких пустых, «тюремных» дней у Махно состоялся разговор с Яковом Красновольским. Вернее сказать, Красновольский, один из братьев по заключению в лагере, пришел к Махно с предложением обратиться не к полякам, а в советское

консульство с просьбой о помиловании, в обмен на обещание возглавить крестьянское движение среди украинского населения Восточной Галиции (ныне – Западной Украины) с тем, чтобы отторгнуть эту территорию от Польши.

Красновольский не был махновцем. Он пристал к батькиным людям еще в Румынии, неоднократно пытался войти в доверие к Махно, испрашивая у него поручения, но успеха не имел. Батяка был человек подозрительный, и чрезмерно предупредительное поведение Красновольского только усиливало его подозрительность. Батяка чуял в нем провокатора. Однако для столь сурового обвинения, которое в среде махновцев обычно каралось смертью, у батяки не было достаточного основания. Позднее он писал в письме Жану Граву, что в тот раз решительно отказал Красновольскому, сказав, что «не может вступать ни в какие серьезные переговоры с большевиками, покуда все анархисты и махновцы, заключенные в российские тюрьмы, не будут освобождены» (94, 311). Вероятно, это была отговорка: Махно должен был прекрасно понимать, что большевики ни при каких обстоятельствах не будут иметь с ним дела, и единственное, что им еще нужно от него, – так это его голова.

Красновольский, несомненно, был провокатором Москвы. Впоследствии выяснилось, что в Польше он был завербован и польской дефензивой. В этом была своя логика. Потеряв надежду добиться от поляков выдачи Махно дипломатическим путем (Польша, враждебно настроенная по отношению к Советской России, не склонна была вести с нею переговоры), большевики запустили механизм провокации, надеясь, что преступные намерения Махно (восстание в Галиции!) возмутят поляков и заставят их выдать Махно Москве. Правда, большевики не учли, что и сами поляки не прочь посчитаться с Махно за несговорчивость и в этом смысле могут, не выдавая батяку, придумать для него какое-нибудь другое наказание.

Так или иначе провокация была запущена. Махно не попался на уговоры Красновольского сразу и, возможно, поразмыслив, все же вывел бы его на чистую воду, но в ночь со 2 на 3 августа 1922 года Красновольский совершает «побег» из лагеря в Щелково, добирается до Варшавы, тут «попадает» в руки дефензивы и чистосердечно рассказывает о том, что он с планшетом зашифрованных документов был послан Нестором Махно к советскому дипломатическому представителю в Варшаве Максимовичу. Поскольку письма были написаны обычным шифром, который Красновольский мог знать, так как Махно всегда использовал его, переписываясь с другими повстанцами и друзьями за границей, расшифровать перехваченные «документы» не составило труда. В них, как легко догадаться, содержался план восстания в Восточной Галиции с целью отторжения ее от Польши в пользу Советской Украины. Налицо было готовое «дело». Вскоре все махновцы, содержащиеся в Щелковском лагере, были схвачены и переведены в Варшавскую тюрьму. Спустя полгода большая часть их была отпущена. Перед судом должны были предстать лишь четверо – Н. Махно, И. Хмара, Я. Дорошенко и Г. Кузьменко, несмотря на то, что в тюрьму она попала на последних месяцах беременности. Процесс против них готовился 13 месяцев. За это время Галина Кузьменко 30 октября 1922 года родила дочь Елену (Люси). За все время предварительного заключения Махно смог увидеть жену и дочь лишь однажды (94, 312).

Заключение батйки в тюрьму наделало шума во всей анархической печати. Впервые его имя замелькало на страницах всех проанархистски настроенных изданий. Аршинов, обосновавшийся в Берлине, спешно готовил издание «Истории махновского движения» на русском языке, после того как она появилась на немецком, французском и испанском. О Махно писали «Американские известия», объявившие сбор пожертвований в пользу интернированных в Польше и Румынии махновцев (было собрано 1476 долларов). Непосредственно перед судом о Махно вновь писали анархические газеты всего мира, в его поддержку выступили Рудольф Рокер, Себастьян Фор, Луи Лекуан, Александр Беркман, Эмма Голдман и другие уважаемые люди «черного интернационала». В Польше бил в набат польский анархист Казимир Теслар. Все боялись, что Махно будет выдан России, где легко было предсказать судьбу, которая его ожидает. Болгарские анархисты открыто грозили взорвать несколько польских посольств в разных странах мира (94, 313).

Небезынтересно, что выпущенный с другими повстанцами на свободу, Иван Лепетченко, сын убитого анархотеррористами в 1907 году гуляйпольского пристава Лепетченко, а потом верный телохранитель Махно, – немедленно начинает подготавливать план побега своего атамана из тюрьмы. Не зная польского языка, он тем не менее связался с польскими анархистами (очевидно, через Казимира Теслара), нашел взрывчатку, оружие, людей, готовых пойти с ним на это рискованное предприятие. Налет на тюрьму вполне мог бы закончиться удачно, но Лепетченко получил записку от Махно, что дело следует отменить. Махно уже проникся уверенностью, что международный скандал в прессе был устроен не напрасно и судьям нелегко будет засудить его. В варшавской тюрьме он изучал эсперанто (модный в ту пору «универсальный язык», с которым, как он полагал, ему легче всего будет обойтись в разных странах, куда ему суждено будет попасть) и – что для нас несомненно важнее, – впервые начал писать мемуары. Именно в Варшаве им были написаны «Записки», благодаря которым мы можем составить себе хоть какое-то представление о раннем детстве и юности Махно.

Суд по обвинению Махно в организации восстания в Восточной Галиции и присоединения последней к большевистскому государству состоялся 27 ноября 1923 года. Председателем суда был судья Гжибовский, помощниками которого были судьи Рыкачевский и Ясинский. Обвинителем по делу был помощник прокурора Вассербергер. Защитниками – адвокаты Рудзинский, Пасхальский и Стжалковский. Хотя «дело Махно» стряпалось на протяжении тринадцати месяцев, в руках обвинения не было других доказательств виновности подсудимых, кроме документов, перехваченных польской дефензивой у Красновольского в августе 1922 года.

На суде эксперты-каллиграфы представили заключение, что документы эти поддельные, несмотря на примененный при их написании «махновский шифр». Лишь одно письмо было написано почерком, сходным с почерком Галины Кузьменко, но все без исключения подписи – и самого Махно, и его жены – были грубой подделкой. Совершенно ошарашенный неожиданным поворотом судебного разбирательства, Махно, по сообщениям польских газет, часто брал слово для разъяснения, подчеркнул, что в разгар советско-польской войны отказался послать руководимую им Повстанческую армию на польский фронт и никогда ничего не замышлял против Польши. В своем последнем слове Махно сказал, что перешел границу Польши, надеясь найти гостеприимство у братского славянского народа. «Но

произошла большая историческая ошибка, и я оказался на скамье подсудимых, – заключил Махно. – Я убежден, что ошибка будет исправлена».

«В 10 часов вечера, – сообщали „Американские известия“ 26 декабря 1923 года, – был объявлен оправдательный вердикт, который... явился полной неожиданностью как для публики, так и больше всего для самих обвиняемых. Они радостножимали руки своих защитников... Махно охотно вписывал свое имя в альбомы, которые подносились из публики...»

Правда, после вынесения оправдательного приговора злключения Махно не кончились. Целый месяц он прожил под надзором полиции в городе Торунь, пока польские власти решали, куда бы его определить. Рядом с ним по-прежнему был верный телохранитель Иван Лепетченко, который устроился работать сапожником. И лишь когда в конце 1923 года Махно получил визу в Данциг (в то время – немецкий «вольный город» в устье Вислы), Лепетченко вернулся в Варшаву. Делать на чужбине ему было нечего, но тут он был быстренько арестован по вздорному обвинению в подготовке взрывов артиллерийских складов вместе со старым товарищем Черняком. Выпутавшись из лап дефензивы, Лепетченко понял, что жизни в Польше ему не будет, и обратился в советское консульство с просьбой разрешить ему выехать на Украину. Шел уже 1924 год. Советский консул сказал ему, что сможет помочь, если Лепетченко ему расскажет о настроениях среди польских анархистов, проживающих в Варшаве. Что было делать? В конце концов настроения – они и есть настроения. Своим рассказом Лепетченко никого не закладывал. Но в результате желанное разрешение вернуться на родину было получено. В Славуте Лепетченко был встречен старым знакомым Иосифом Тепером и еще одним сотрудником Харьковского ГПУ. Он нужен был чекистам для основательной проработки...

С отъездом в Данциг, однако, злключения Махно не кончились. Напротив, в некотором смысле ему стало даже сложнее – жена с дочерью уехали прямым ходом во Францию, старые повстанцы осели кто в Румынии, кто в Польше. Он был один в большом незнакомом городе, вдалеке от русских анархистов-эмигрантов, без денег, предоставленный самому себе.

К тому же Москва не оставила попыток залучить к себе Махно: в один прекрасный день к нему явились несколько человек, назвавшихся представителями торгпредства, и предложили ему вернуться в Россию под торжественную гарантию советского посольства в Берлине. Махно ответил, что не может принять решение, не повидав своих товарищей-анархистов, которые жили тогда в Берлине (Волин, Аршинов, Беркман, Рокер). Очевидно, он хотел воспользоваться автомобилем «представителей советской торговли», чтобы, достигнув Берлина, бежать к «своим». Представители торгпредства согласились. Вместе с одним анархистом, которому тоже необходимо было пробраться в Берлин, Махно выехал из Данцига. Однако дорогой он, возможно, вспомнил слова лейтенанта польской дефензивы Блонского о том, что в Германии большевики чувствуют себя, как дома, и стал думать, как обезопасить себя от элементарного увоза. Ничего толкового не придумав, перед тем как пересечь германскую границу, Махно заявил, что в Берлине он готов говорить лишь с одним человеком – советским послом Крестинским, и при этом не на территории посольства, а где-нибудь на нейтральной территории. Если представители торгпредства были чекистами – а они, безусловно, были ими, – то они были чекистами неопытными. План увоза Махно, по-

видимому, не был проработан в деталях, разговор с послом и с друзьями анархистами не был в нем предусмотрен (хотя, разумеется, Крестинский мог дать Махно любые заверения в его неприкосновенности, чтобы доставить его живого и невредимого заинтересованному в нем ведомству). Вообще, весь план похищения Махно был, похоже, сработан «на авось» и далеко отличался по продуманности от плана «выманивания» Савинкова (1924) чекистом А. П. Федоровым. Так или иначе, после заявления Махно представители торгпредства почему-то занервничали (может, боялись упустить батьку и получить за это нагоняй по своей чекистской линии?), развернули машину и вернулись в Данциг, где сдали Махно прусской полиции.

В ноябре 1924 года он, таким образом, снова оказался в тюрьме по обвинению в погромах немецких колонистов на Украине в 1918 году. Поистине, Махно с момента своего перехода на румынскую территорию ступал из огня да в полымя. И если в Польше его пытались засудить по полностью сфабрикованному делу, то в Данциге, находившемся под германским протекторатом, все могло обернуться иначе: ведь колонистов махновцы жгли беспощадно, а кроме того, ничего не стоило вменить ему в вину партизанские действия против германской армии...

По поводу очередного заключения Махно в тюрьму «Американские известия» (12.11.1924) с сарказмом писали: «В „вольном городе“ Данциге... местными властями арестован Нестор Махно. В то время как признанные немцами и властями большевистские агенты свободно передвигаются из страны в страну, Махно, боровшемуся с большевиками и их ярому противнику, не дают визы на въезд в Германию... Где бы ни появлялся Махно, за ним неотступно следуют большевистские агенты и всячески стараются под разными предлогами натравить против него местные власти... Вместе с тем большевистские агенты пытаются вести с ним „миролюбивые переговоры“».

К счастью, на этот раз до суда не дошло. Здоровье Махно ухудшилось, и из тюремной камеры он был переведен в госпиталь. Здесь он быстро оправился и, связавшись с местными анархистами, с их помощью бежал из тюремной больницы. Побег удался – но сам Махно отныне оказался на нелегальном положении. Теперь ему предстояло каким-то образом выбраться из «данцигской мышеловки», чтобы присоединиться к старым товарищам по борьбе. Он рассчитывал на их помощь. Прежде всего на помощь Волина, который получил 75 долларов от украинского анархиста, проживающего в Америке, которых с избытком хватило бы на переезд Махно из Данцига в Берлин. Волин, который сам жил в крайней бедности с женой и пятью маленькими детьми, истратил эти деньги на собственные нужды. Данцигские анархисты написали Волину, что медлить нельзя, что положение Махно на конспиративных квартирах таково, что его в любой день могут схватить и препроводить в тюремный замок, откуда никакой побег уже невозможен. Неожиданно Волин ответил, что отказывается от этого дела.

«Дорогой дедушка, вы пишете, что отказываетесь от ведения порученного вам организацией дела помощи мне выбраться из Данцига, – яростно отписал Махно Волину. – Я просить вас не буду. Мне очень надоело слышать от вас обещания и невыполнение. Уходите к черту от дела. Но пришлите мне 75 долл., которые тов. Карнук прислал на ваш адрес для меня из Северной Америки...» (55, 224). Махно сидел на нелегальных квартирах уже больше месяца, когда, наконец, Волин (правда, без обещанного Махно паспорта) прислал в Данциг

немецкого анархиста-индивидуалиста из Гамбурга, который сам жил на нелегальном положении и мечтал пробраться в Берлин. У этого нелегала было 300 марок золотом, которые он по наивности или неосторожности отдал капитану катера, который должен был доставить их в порт Штетин. Капитан в первую же ночь пропил эти деньги, а наутро отказался от своих обещаний. Измученный этими проволочками, Махно решил уходить из Данцига пешком и перейти границу нелегально. Вместе с ним ушел один немецкий анархист и посланный ему Волиным на помощь индивидуалист. Как ни странно, этот дерзкий план удался, и вскоре Махно был уже в Берлине среди своих товарищей из России и других анархистов, которые были здесь: Рудольф Рокер, Уго Фиделли, Александр Беркман и другие. В Германии Махно мог вновь, как и в Данциге, подвергнуться преследованиям как партизан, активно действовавший против германских войск и немецких колонистов в 1918 году. Поэтому он воспользовался помощью Давида Полякова, русского анархиста, живущего во Франции, и в апреле 1925-го, выправив паспорт на фамилию Михненко (94, 317), перебрался в Париж, где ему, по крайней мере, не грозила опасность от властей.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 2 апреля 2025 11:22:43

██████████ ██████████ обновил 2 апреля 2025 11:22:55